УДК 353.2(571.5)(091)

ББК Х2(2Р5)5-523

DOI 10.31554/2222-9175-2021-43-24-34

А. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР ОКРАИННОЙ ПОЛИТИКИ
В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ.
Ч. III. УПРАВЛЕНИЕ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКОЙ
В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД. КОНЦЕПТЫ, ЛЮДИ
И ЗАКОНЫ В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ СИБИРИ.
ФАКТОР ФРОНТИРА

Рассматривается развитие аграрного законодательства и землеустройство народов Сибири в пореформенный период. Даются характеристики взглядов и подходов российской политической элиты и сибирского чиновничества к землеустройству инородцев, проводится компаративный анализ аграрной политики самодержавия на других национальных окраинах империи.

Ключевые слова: империя, окраины, инородцы, аграрная политика, переселение, землеустройство.

L. M. Dameshek, I. L. Dameshek

THE ETHNICAL FACTOR OF THE MARGINAL POLICY
IN THE REGIONAL DIMENSION: SIBERIAN VARIANT.
PART III. THE MANAGEMENT OF AGRICULTURAL POLICY
IN THE POST-REFORM PERIOD. THE CONCEPTS, PEOPLE,
AND LAWS IN THE LATE IMPERIAL SIBERIA.
THE FRONTIER FACTOR

The article examines the development of agricultural legislation and land management of the Siberian peoples in the post-reform period. The views and approaches of the Russian political elite to the land management of the indigenous dwellers are characterized. A comparative analysis of the agricultural policy of Tsarism in other national outskirts of the Empire is provided.

Keywords: empire, outskirts, indigenous dwellers, agricultural policy, immigration, land management.

Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Российской империи формировались и развивались на протяжении всего периода существования государства и отличались существенным разнообразием. В основе дифференцированного подхода правительства к окраинам и народам Европейской и Азиатской России лежали особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный факторы, сословный состав населения и др. На востоке Российской империи процесс властного освоения новых территорий в XVII в. претерпел существенные изменения. На смену военно-мобилизационным пришли политико-административ-

ДАМЕШЕК Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: Levdameshhek@gmail.com.

ДАМЕШЕК Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: dameshhek@rambler.ru.

ные и экономические методы. Вновь присоединенные территории правительство теперь стало рассматривать не только как плацдарм для дальнейшего расширения границ государства на Восток, но и как важный источник поступления в казну ценной сибирской пушнины. Именно финансовые соображения предопределили позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Уже первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и «иноверцев» из-за земли.

Когда в 1639 г. татарские жители волостей Ермолаевой, Колмаковой и др. в Западной Сибири пожаловались государю, что «русские крестьяне ... поселились дворами своими на их землях», отняли пашни и покосы, а в «наших угодьях промышляют бобров, лисиц и соболей», местные воеводы немедленно «приняли сторону» иноверцев и со своей стороны обратились в Москву с просьбой «свести» русских крестьян с «иноверческих» земель, что и было сделано [Буцинский 1889: 330–332].

Аналогичные принципы правительственного подхода к «иноверческим делам» можно наблюдать и на Дальнем Востоке на примере действия там отряда Е. П. Хабарова в 1649 г. На Амуре Хабаров вместо того, чтобы призывать «иноверцев» в русское подданство «ласкою и приветом», как требовали того царские инструкции от начальников всех отрядов землепроходцев, грабил, жег, насиловал и убивал. Именно поэтому в сентябре 1653 г. он был отстранен от должности прибывшим с инспекционной поездкой из Москвы дворянином Д. И. Зиновьевым, а новым приказным человеком на Амуре назначен О. Степанов [Артемьев 2001: 287].

В XVII в. для московских Романовых Сибирь была неисчерпаемым источником ценной «мягкой рухляди», а правительственные указы требовали взимать ясак исключительно мехами. Однако к началу XVIII в. правильность такой политики оказалась под сомнением. Соболю был почти повсеместно выбит, и у многих «иноверцев» охота стала превращаться в подсобное занятие. Интенсивный приток русского населения, потребности в развитии надежной продовольственной базы на востоке заставили правительство взглянуть на народы Сибири не только как на плательщиков ясака, но и как потенциальных хлебопашцев. Правда, до конца XVIII в. поощрительные меры к занятию земледелием чередовались с попытками побудить аборигенов к занятию исключительно пушным промыслом. В XIX в. попытки обеспечить приоритет звероловства над хлебопашеством были уже нежизненными. Экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири и, как результат, возрастанию оседлости. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и возрастание оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь [История Бурятии 2011: 74–75].

Однако распространение пашенного земледелия у народов Сибири имело целью не только экономическую, но и социокультурную их инкорпорацию в состав империи, а в конечном итоге – превращение Сибири в Россию. В этом плане особая роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться и думать по-русски. В этом смысле проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались и были призваны обеспечить стабильность империи на перспективу. Именно такую задачу колонизации Сибири видели современники, отстаивающие идею «поглощения» русским национальным ядром восточных окраин империи.

К занятию земледелием народы Сибири приобщились в разное время и в различной степени. Объясняется это различиями в природно-климатических условиях мест обитания и степенью интенсивности влияния русской деревни. На примере бурят Иркутской губернии хорошо видно, что первое место в области земледелия

занимали бурятские роды, проживающие совместно с русскими в удобных для хлебопашества долинах рек. Приемы агротехники, календарные сроки и даже религиозные обряды, связанные с началом и окончанием полевых работ, были заимствованы ими у русских крестьян.

Под влиянием христианства буряты вместе с зерном стали разбрасывать по пашне скорлупу крашенных яиц с сакральным смыслом – оплодотворения земли. Уборку урожая начинали в конце августа – первой декаде сентября. Сначала косили овес и ячмень, во второй половине сентября жали рожь и пшеницу. Сжатый хлеб связывали в снопы и складывали в копны. После окончания жатвы снопы свозили в усадьбу в специальные загороди – овины или гумна. По окончании полевых работ земледельцы-аборигены устраивали праздник урожая. Во время уборки урожая на краю пашни оставляли пучок срезанных колосьев – это была доля «хозяина» земли. Такой обычай был заимствован у русских крестьян, которые оставляли в поле нежатый клочок хлеба для предохранения земли от бесплодия.

На систему земледелия существенное влияние оказывали природные условия. У якутов преобладала подсеčno-переложная система, у хакасов под влиянием русских крестьян выработалась парозалежная система. У бурят Иркутской губернии господствовала паровая двухпольная система полеводства. Вся культивируемая площадь делилась на два клина: один находился под паром, другой – под посевом. У забайкальских бурят существовала парозалежная система земледелия [Андреев 2001: 90 и др.].

Наибольших успехов в земледелии добивались «иностранцы», пахотные угодья которых находились на границах волостей, смежных с землями, занимаемыми русскими крестьянами. В хозяйстве жителей Аскизского ведомства Енисейской губернии (у хакасов), в Иркутской губернии у бурят Балаганского, Иркутского и Нижнеудинского округов уже в середине XIX в. земледелие стало играть доминирующую роль. Современники не раз отмечали, что у них отлично родится рожь, пшеница, ячмень, овес. Не случайно на публичной сельскохозяйственной выставке в 1858 г. в Иркутске многие буряты были награждены медалями и похвальными листами за успехи в земледелии.

Под влиянием русских крестьян у всех народов Сибири, перешедших к оседлому образу жизни, были разведены огороды, где с успехом культивировались картофель, огурцы, морковь, свекла, капуста. Даже в Северной Якутии, в Олекминском округе, в 1890 г. местные жители-якуты собрали 30 тыс. пудов картофеля. По мере развития земледелия оно все больше приобретало товарный характер. В ряде «иностранческих» хозяйств различных губерний продажа хлеба доходила до 70 % всего урожая.

В целях повышения эффективности своего хозяйства богатая верхушка «иностранцев» приобретала современные, по тогдашним понятиям, орудия сельскохозяйственного производства, среди «иностранцев» появилось сельскохозяйственное оборудование крупных европейских фирм «Мак-Кормик» и «Осборн».

Развитие земледелия и сенокосения у народов Сибири имело большое значение в переходе к оседлости. Татары, буряты, хакасы по примеру русских крестьян начали рубить деревянные дома, амбары, хозяйственные постройки, стало развиваться плотничное ремесло, они научились делать телеги, сани, сохи, бороны, большое распространение получили извозный промысел, заготовка и сплав леса, прокладка дорог. Определенную роль для «иностранцев», как и для русских крестьян, играл отхожий промысел. У народов Сибири значение его было неодинаковым и колебалось от 20 % у забайкальских бурят до 7–9 % у татар, хакасов, якутов [1].

Цивилизационные тенденции империи, связанные с приобщением сибирских «иностранцев» к земледелию и оседлости, ярко проявились в аграрной политике самодержавия. Правительство сознавало, что задача «окрестьянивания» аборигенов

не может быть решена только при помощи эмпирических примеров. Важной составляющей хозяйственной адаптации аборигенов к общероссийской системе стала экономическая политика.

На протяжении всего имперского периода истории Сибири в этой политике прослеживается сочетание методов материального и морального поощрения с неприкрытым администрированием. К первым следует отнести систематическую раздачу «иногородцам» ссуд деньгами и семенами для проведения посевных работ, предоставление различных, порой весьма значительных, налоговых льгот, всевозможные поощрения родоначальников за успехи в земледелии. Примером другого рода является «Положение о развитии хлебопашества» Иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина, в котором жестко определялись размеры «иногородческой» запашки, сроки проведения полевых работ и способы наказания «огурщиков» (ослушников) [ГАИО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 24]. Вопрос о способах приобщения аборигенов к земледелию и оседлости постоянно находился в поле зрения правительства. В наказах сенаторским ревизиям и ясачным комиссиям Сибири традиционно предписывалось обратить на него особенное внимание [Дамешек 1983].

В пореформенный период эти идеи получили дальнейшее развитие. Однако прошло три десятилетия со времени решения Государственного совета о распространении на Сибирь положения о поземельном и административном устройстве государственных крестьян 36 губерний Европейской России, прежде чем такие законы были приняты. Главную причину длительной задержки разработки законов о землеустройстве следует видеть в борьбе внутри правительственного лагеря различных дворянско-помещичьих группировок по вопросам аграрной политики в стране в целом. В Сибири, где аграрная политика рассматривалась правительством как производная от курса, выработанного для Европейской России [Крестьянство Сибири... 1983: 110], эти перипетии борьбы находили непосредственное выражение в появлении различных законопроектов. Разумеется, при этом не следует забывать и о своеобразных природно-климатических и исторических особенностях развития региона, инертности администрации, наложивших известный отпечаток на формирование аграрной политики.

Не подлежит сомнению внешняя связь сибирского аграрного законодательства с крестьянской реформой 1861 г. Однако разница в общественно-политической ситуации в стране – эпоха буржуазных реформ 60–70-х гг. и контрреформ 80–90-х гг. – существенным образом сказалась на содержании разрабатываемых законопроектов. Непосредственным толчком, заставившим самодержавие в несколько лет завершить разработку затянувшихся законопроектов, стало резкое обострение аграрного кризиса в Европейской России, совпавшее по времени с подъемом рабочего движения, несущего в себе качественно новые черты. В этой сложной ситуации выход из создавшегося положения правительство видело в переселении малоземельных крестьян на окраины и поэтому поспешило завершить разработку законопроектов. На всех этапах в ней присутствовал «инородческий вопрос», однако решался он по-разному. В конечном итоге правительство решило уравнивать оседлых и кочевых аборигенов в отношении прав и размеров землепользования с русскими крестьянами. Подоплеку такого решения следует видеть в фискальных и ассимиляторских интересах самодержавия. Место инородческого вопроса в аграрном законодательстве определялось надеждами правительства на значительные земельные изъятия у аборигенов с целью образования переселенческого земельного фонда и последующей хозяйственной и социокультурной интеграции с русским крестьянским населением региона. В конечном итоге правительство решило провести землеустройство аборигенов на одинаковом с крестьянами основании, дав им 15-десятинный надел. Земля отводилась не в собственность, а в пользование «инородческих» обществ. Отчуждение и залог земельных наделов запрещались. За пользование землей аобо-

ригены обязывались платить казне оброчную, а впоследствии поземельную подать [Дамешек 2018: 137–191]. Аграрные законы конца XIX – начала XX в. распространялись на всю территорию Сибири, за исключением Якутской области. Категория «бродячих инородцев» также не подлежала землеустройству. Империя исходила из постулата признания верховного права собственности на все сибирские земли за государством и Кабинетом, поэтому земля отводилась аборигенам не в собственность, а в пользование. За исключением скотоводов Забайкальской области, все остальные «инородцы» по окончании землеустройства переводились в разряд оседлых.

В ходе революции 1905–1907 гг. национальное движение народов Сибири значительно активизировалось. Потенциальная опасность одновременного выступления русского и «инородческого» крестьянства заставила правительство приостановить землеустроительные работы на землях коренного населения. В восточной Бурятии первые попытки реализации землеустроительного закона были предприняты вскоре после опубликования положения о землеустройстве и административной реформе коренного населения [ГАЗК. Ф. 294. Оп. 1. Д. 42. Л. 103; ГАРБ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 40. Л. 139]. Однако мощное национальное движение, вспыхнувшее в области как выражение протеста против земельной реформы, и последовавшие затем события первой русской революции заставили правительство отложить дальнейшее проведение землеустройства. По признанию властей, в сложной политической ситуации будущая реформа «при насильственном введении ее» могла вызвать весьма нежелательные для правительства последствия. Не случайно царский наместник на Дальнем Востоке предписал Забайкальскому военному губернатору И. П. Надарову при проведении реформы не только «наблюдать должную осторожность», но и «принять требуемые обстоятельствами меры к подготовке инородцев исключительно на добровольное подчинение закону» [История Бурят-Монгольской АССР 1954: 384–386].

В этом плане не лишена интереса резолюция Николая II по поводу одного из докладов министра внутренних дел о положении в Забайкалье. «Желаю, – писал царь, – чтобы при проведении в действие ... законов 1900 и 1901 годов, были соблюдаемы необходимая осторожность и постепенность и принимаемы во внимание интересы бурятского населения» [ГАЗК. Ф. 20. Оп. 3. Д. 33. Л. 22, 30, 75об.]. Эти указания, по мнению царя, должны были обеспечить успешное проведение реформы, сдержать рост народного недовольства. Что же касается последней части резолюции, то ее нельзя назвать иначе как красивым жестом, тем шагом, который был необходим для создания у населения впечатления о благодетельном монархе. Об этом убедительно свидетельствуют два документа. Первый из них – воззвание военного губернатора области Надарова от 24 января 1904 г. Призывая бурят к покорности, он от имени царя заявлял: «Опомнитесь, говорю вам! Опомнитесь, пока еще не поздно! Горе сопротивляющимся царским повелениям ... реформа вводится у вас бесповоротно и горе сопротивляющимся» [Там же. Д. 18. Л. 32]. Другой документ в первопричине имеет то же происхождение. Однако появление его связано с лицом, занимающим одну из высших должностей в системе иерархии романовской империи. Министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, напутствуя А. Н. Куломзина перед поездкой в Забайкалье, советовал провести для этой «сволочи» (так Горемыкин называл бурят) реформу таким образом, чтобы они могли «мало-помалу сойти с лица земли» [РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 203. Л. 138об.].

Ко времени третьеиюньского государственного переворота в Забайкальской области результаты землеустроительных работ были невелики. Между тем возрастающий поток переселенцев требовал наличия значительного колонизационного фонда. На это указывал главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин в представлении в Государственную Думу 4 ноября 1910 г. «Поземельное устройство крестьян и инородцев, – писал он, – тесно связанное с устрой-

ством новых переселенцев и поэтому требующее возможно быстрого завершения, идет крайне медленно» [Библиотека РГИА: Л. 65]. Необходимость ускорения темпов колонизации области, по мнению правительства, диктовалась и обострением международной обстановки на Дальнем Востоке, задачами обрусительной политики бурят. Сами чины землеустройства во главе с начальником переселенческого управления Чиркиным в обезземеливании бурят видели мощный источник создания переселенческого фонда. Правительство постоянно напоминало местным властям о необходимости значительного ускорения темпов колонизации районов Дальнего Востока. С этой целью в сентябре 1908 г. на Дальний Восток был командирован товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатор Б. Е. Иваницкий. На состоявшемся в Хабаровске под его председательством совещании этот вопрос был «подвергнут тщательному обсуждению». В итоге главноуправляющий землеустройством Кривошеин потребовал от Иркутского генерал-губернатора обсудить предложения Иваницкого применительно к условиям Забайкальской области.

В местных бюрократических кругах вопрос о необходимости усиления землеустроительных работ не вызывал разногласий. Участники созванного по инициативе Селиванова совещания высказались за «решительное» ускорение темпов землеустройства аборигенов. При обсуждении конкретных мероприятий тон совещанию был задан самим генерал-губернатором. Селиванов настойчиво проводил мысль о том, что «за наделением инородцев ... земель в распоряжении правительства останется значительный колонизационный фонд». Для ускорения землеустроительных работ в бурятских улусах он, по примеру Иркутской губернии, предлагал образовать специальную землеустроительную партию и поручить ей «исключительно землеустройство инородцев» [РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 443. Л. 1].

Принципиально важным для совещания был вопрос о норме наделов. Забайкальский землеустроительный закон предусматривал увеличение нормы надела до 30 десятин. А. Н. Куломзин, характеризуя это положение закона, в своих воспоминаниях пишет: «Исследование показало, что главным источником благосостояния сельского населения служит не столько хлебопашество, сколько обширное скотоводство как у инородцев, так и у оседлого населения. Поэтому большинство совещания предлагало сохранить за населением всю используемую ими землю. В Государственном совете, где мне пришлось защищать выработанный проект, от меня потребовали указания какого-либо высшего предела такого землепользования. Пришлось пределом этим определить 30 десятин, с тем чтобы в исключительных условиях было разрешено оставлять за населением и больший размер владения» [Там же. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 96]. Как видим, в первоначальном варианте даже автор законопроекта душевой надел в 30 десятин не считал предельной нормой.

Однако теперь, на совещании в Иркутске, этот вопрос встал вновь. Селиванов считал целесообразным при землеустройстве бурят проводить принцип уравнивания их в земельных правах с крестьянами и наделять 15 десятинами земли. Важно отметить, что и само главное управление в инструкциях сибирским губернаторам рекомендовало не придерживаться установленных законами максимальных норм наделов. На предложения Селиванова Кривошеин ответил: «Если Ваше высокопревосходительство, руководствуясь государственными соображениями, признает целесообразным применить при землеустройстве в Забайкалье 15-десятинную норму без отступлений от последней, то от вас будет зависеть преподать местным землеустроительным органам соответствующие указания к осуществлению означенной меры». Таким образом, взгляды лиц правительственной верхушки и высшей местной администрации на вопрос о норме земельного надела в Забайкалье совпали.

В декабре 1910 г. совместное предложение главноуправляющего и генерал-губернатора рассматривалось Забайкальским областным присутствием. Считая себя не вправе вдаваться в подробное обсуждение предложений своих начальников,

члены областного присутствия смотрели на это дело теми же глазами. Прикрываясь лживыми заявлениями о необходимости перевода кочевников на оседлость, они признали крайне желательным признать в виде общего правила, что наделы кочевым инородцам должны отводиться в пределах 15 дес. на душу [РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 443. Л. 4об., 53, 85].

После 1907 г., в условиях столыпинской аграрной реформы и значительного роста переселенческого движения, сибирский земельный фонд стал одним из основных средств решения аграрных противоречий империи. Для этого периода характерны многочисленные категорические требования правительства об активизации землеустройства и сокращении земельных наделов аборигенов. Даже Якутия, на территорию которой землеустройство никогда не распространялось, стала рассматриваться как возможный резервный район для переселения крестьян из центра страны. Создаются специальные «инородческие» землеустроительные партии, а с 1915 г. землеустроительные работы стали вестись исключительно на «инородческих» землях. Из серии правительственных распоряжений этого периода обращает на себя внимание указание главноуправляющего землеустройством и переселением А. В. Кривошеина сибирским губернаторам о необходимости всячески содействовать чиновникам землеустроительных партий от 18 января 1908 г. по «обращению земельных излишков инородцев» в переселенческий фонд. «Необходимо твердо уяснить, – писал он, – что по ныне действующему закону кочевые инородцы четырех сибирских губерний в общем правиле подлежат обязательному поземельному устройству, как и крестьяне». Министр особенно подчеркивал, что «совершенно недостаточно для приостановления поземельного устройства заявления бурят о нежелании или несогласии на это».

Тем не менее к 1917 г. землеустройство народов Сибири, за исключением территории Горного Алтая, так и не было завершено. В Томской губернии работами было охвачено 55 % земель коренного населения, в Тобольской – менее половины. Но и в этих условиях земельные отрезки у аборигенов были очень велики. У бурят Иркутской губернии они составляли 945115 десятин, или 47 % дореформенного землепользования; у бурят Забайкальской области 2061000, или 30 %; у хакасов Енисейской губернии – 670000, или 33 %; у аборигенов Томской губернии – 59000, или 34 %; в Горном Алтае – 121622, или 25 %; в Тобольской губернии – 27407 десятин, или 2 %, а всего по Сибири 3884188 десятин, или 29 % (данные об итогах землеустройства народов Сибири рассчитаны по: [Там же. Оп. 5. Д. 1311. Л. 231–233об.; оп. 6. Д. 45. Л. 5; оп. 10. Д. 9. Л. 3; ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 120об.–121; Отчет о землеустроительных работах... 1909]). Большая часть земельных отрезков была использована для образования резервного переселенческого фонда. Итоги землеустройства народов Сибири представлены в таблицах 1–5.

Эти же черты были характерны для аграрной политики империи в других колонизуемых районах России. В Башкирии проводившееся в конце XIX в. размежевание башкирских земельных дач имело целью изыскание земельных излишков для переселения [Раимов 1950]. С такой же целью у казахов было отрезано около 50 млн десятин земли [Кучкин 1954: 25]. В этих районах, как и в Сибири, в переселенческий фонд изымались лучшие земли с оросительными каналами, нормы земельного надела коренного населения не соблюдались.

Характерно, что в ходе землеустройства царизм и здесь стремился учесть интересы местного кулачества, баев и т. д. Особенность взаимодействия экономических интересов самодержавия и его аграрной политики четко прослеживается на примере Туркестана, Кавказа, других районов. Для всех окраинных территорий империи характерна сословная неполноправность «инородцев» в отношении прав землепользования. В начале XX в. империя отказалась от провозглашенного в XVII в. курса на признание незаблемости прав сибирских народов на занимаемые ими зем-

ли. Новые политические и экономические интересы империи в Азиатской России потребовали и выработки иных контуров национальной политики, одним из приоритетов которой стала идея «слияния» аборигенного населения Сибири с коренным русским населением государства. Активное крестьянское движение на Восток приводило к стиранию этнографической границы между Европейской и Азиатской Россией. Наметившееся стихийное «обрусение инородцев» на практике было экономически обусловленным явлением, порожденным мощностью интеграционных процессов на востоке империи.

Таблица 1

Изменение площади землепользования бурят Иркутской губернии
до и после землеустройства 1913 г., десятины*

Уезд	Площадь земель до землеустройства	Площадь земель после землеустройства	Уменьшение		Увеличение	
Балаганский	1182166	587799	5943367	50,28	—	—
Верхотенский	363330	164770	198560	54,65	—	—
Иркутский	399834	288511	111323	27,89	—	—
Нижнеудинский	65434	24570	40864	62,45	—	—
Киренский	—	—	—	—	—	—
Итого по губернии	2010764	1065650	945114	47,00	—	—

* Сост. по: [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 1311. Л. 231–233об.].

Таблица 2

Итоги землеустройства бурят Верхотенского уезда к 1 января 1917 г., десятины*

Волость, ведомство	До землеустройства				После землеустройства				% уменьш.	% увел.
	Всего	в т. ч. удобной	в т. ч. неудобной	удобн. на д.м.п.	Всего	в т. ч. удобной	в т. ч. неудобной	удобн. на д.м.п.		
Манзурская	47359	46141	1218	9,8	72520	67029	5491	14,1	—	—
Кырминская	32357	31930	427	66,1	8460	8106	354	16,7	75	—
Хоготовская	49324	48572	752	32,0	26167	24303	1864	15,8	51	—
Ользоновская	43567	42649	918	33,0	25684	22276	3408	17,0	49	—
Верхнеудинская	115320	112604	2716	48,9	46040	38480	7560	16,7	66	—
Баяндаевская	77557	76306	1251	58,7	21243	20242	1001	15,5	74	—
Итого:	365484	358202	7282	30,9	200114	180436	19678	15,4	51	—

* Сост. по отчету заведующего переселением и землеустройства в Иркутской губернии за 1916 г.: [ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 120об.–121].

Таблица 3

Итоги землеустройства бурят Балаганского уезда Иркутской губернии
к 1 января 1917 г., десятины*

Волость, ведомство	До землеустройства				После землеустройства				% уменш.
	Всего	в т. ч. удобной	в т. ч. неудобной	удобн. на д.м.п.	Всего	в т. ч. удобной	в т. ч. неудобной	удобн. на д.м.п.	
Зунгаро-Быготское	72479	67720	4759	89,4	15563	14120	1443	18,2	80
Унгинское	249683	241342	8341	52,9	98883	90001	8882	19,1	64
Нельхайское	92119	89105	3014	62,7	35951	34728	1223	18,1	72
Боханское	74221	71898	2323	26,3	55632	52798	2834	18,0	32
Укырское	53783	53453	330	42,6	26822	25763	1059	18,0	58
Улейское	21220	20441	779	23,3	18167	15964	2203	18,2	23
Молькинское	59813	57810	2003	27,5	40964	38274	2680	18,0	35
Бильчирское	180331	176975	3356	34,3	64541	59923	4618	—	—
Кахинское	—	—	—	—	34745	32555	2190	17,9	48
Ашехабатское	47897	46474	1423	28,4	36928	32382	4546	18,2	36
Итого:	851546	825218	26328	40,2	428196	396508	31678	18,2	55

* Сост. по отчету заведующего переселением и землеустройством в Иркутской губернии за 1916 г.: [ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 542. Л. 120–121].

Таблица 4

Итоги землеустроительных работ в Забайкальской области к 1 января 1908 г.*

Показатель	Всего в области	Занято землеустройством	%
Волостей	74	30	40
Селений и обществ	525	207	39
Надельных душ	261000	81000	31
Площадь землепользования, подлежащая землеустройству	9300000	294000	31

* Сост. по: [Отчет о землеустроительных работах... 1909: 45].

Таблица 5

Землеустроительные работы в Томской губернии в 1914–1916 гг., десятины*

Год	Отрезки			Прирезки			Изменение землепользования	
	крестьяне	инородцы	итого	крестьяне	инородцы	итого	крестьяне	инородцы
1914	236082	64474	300556	206397	11028	217425	-29685	-53451
1915	238049	66479	304528	237143	12967	250110	-906	-53512
1916	238050	70479	308529	260466	13046	273512	+22416	-57433

* Сост. по: [Переселение и землеустройство за Уралом ... 1915: 358; РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 45. Л. 5; РГИА. Ф. 391. Оп. 10. Д. 9. Л. 3; Асалханов 1975: 54].

Примечание

И. К этому сюжету Л. М. Дамешек впервые обратился в: [1989]. Эти положения получили дальнейшее развитие в: [Дамешек 2007; Дамешек и др. 2020].

Источники и литература

Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК): ф. 20, оп. 3, д. 18, 33; ф. 294, оп. 1, д. 42.

Государственный архив Иркутской области (ГАИО): ф. 7, оп. 1, д. 24.

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. 79, оп. 1, д. 40.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): ф. 1797, оп. 1, д. 542.

Российский государственный исторический архив (РГИА): ф. 391, оп. 3, д. 443; оп. 5, д. 1311; оп. 6, д. 45; оп. 10, д. 9.

Библиотека РГИА: коллекция печатных записок, записка № 2923.

Отчет о землеустроительных работах в четырех сибирских губерниях и области Забайкальской. За 1908 г. – СПб., 1909. – 101 с.

Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 г. – Пг., 1915. – 501 с.

Андреев Ч. Г. Коренные народы Восточной Сибири во II половине XIX – начале XX века (60-е гг. XIX в – октябрь 1917 г.): модернизация и традиционный образ жизни / Ч. Г. Андреев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. с.-х. акад. им. В. Р. Филиппова, 2001. – 287 с.

Артемьев А. Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVII в. – 1860 г.) / А. Р. Артемьев // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.). К 200-летию образования Российско-американской компании. – Владивосток: Изд-во ИИАЭ ДВО РАН, 2001. – С. 287–297.

Асалханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. / И. А. Асалханов. – Новосибирск, 1975. – 267 с.

Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников / П. Н. Буцинский. – Харьков: Тип. Губернского правления, 1889. – 354 с.

Дамешек Л. М. Материалы правительственных комиссий как источник изучения аграрной политики самодержавия в Сибири / Л. М. Дамешек // Молодые ученые вузов города Иркутска в 11-й пятилетке. – Иркутск, 1983. – С. 69–71.

Дамешек Л. М. Землеустройство бурятского крестьянства Иркутской губернии (1896–1917 гг.) / Л. М. Дамешек // Бурятия XVII – начала XX в. Экономика и социально-культурные процессы. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 84–98.

Дамешек Л. М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти. XVIII–XX в. / Л. М. Дамешек. – Иркутск: Вост.-Сиб. изд. компания, 2007. – 320 с.

Дамешек Л. М. Избранное Т. 1. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Дамешек. – Иркутск: Оттиск, 2018. – 456 с.

Дамешек Л. М. Бурятский этнос в имперской системе власти / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. – Иркутск: Оттиск, 2020. – 740 с.

История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. – Улан-Удэ, 1954. – 634 с.

История Бурятии. Т. II. XVII – начало XX в. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 621 с.

Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск: Наука, 1983. – 400 с.

Кучкин А. П. Земельная реформа в Казахстане в 1925–1927 годах / А. П. Кучкин // Вопросы истории. – 1954. – № 9. – С. 25–34.

Раимов Р. М. Аграрная революция в Башкирии 1917–1923 гг. / Р. М. Раимов // Исторические записки. – 1950. – Т. 32. – С. 40–65.

References

Gosudarstvennyj arhiv Zabajkal'skogo kraya (GAZK): f. 20, op. 3, d. 18, 33; f. 294, op. 1, d. 42.

Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO): f. 7, op. 1, d. 24.

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. 79, op. 1, d. 40.

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF): f. 1797, op. 1, d. 542.

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA): f. 391, op. 3, d. 443; op. 5, d. 1311; op. 6, d. 45; op. 10, d. 9.

Biblioteka RGIA: kollekcija pečatnyh zapisok, zapiska № 2923.

Otchet o zemleustroitel'nyh rabotah v četyrekh sibirskih gubernijah i oblasti Zabajkal'skoj. Za 1908 g. – SPb., 1909. – 101 s.

Pereselenie i zemleustrojstvo za Uralom v 1914 g. – Pg., 1915. – 501 s.

Andreev Ch. G. Korennye narody Vostočnoj Sibiri vo II polovine XIX – nachale XX veka (60-e gg. XIX v – oktyabr' 1917 g.): modernizacija i tradicionnyj obraz zhizni / Ch. G. Andreev. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. s.-h. akad. im. V. R. Filippova, 2001. – 287 s.

Artem'ev A. R. Formirovanie geopoliticheskikh interesov Rossii na Dal'nem Vostoke i prisoedinenie k nej Priamur'ya i Primor'ya (seredina XVII v. – 1860 g.) / A. R. Artem'ev // Russkaya Amerika i Dal'nij Vostok (konec XVIII v. – 1867 g.). K 200-letiju obrazovaniya Rossijsko-amerikanskoj kompanii. – Vladivostok: Izd-vo IIAE DVO RAN, 2001. – S. 287–297.

Asalhanov I. A. Sel'skoe hozyajstvo Sibiri konca XIX – nachala XX v. / I. A. Asalhanov. – Novosibirsk, 1975. – 267 s.

Bucinskij P. N. Zaselenie Sibiri i byt eyo pervyh nasel'nikov / P. N. Bucinskij. – Har'kov: Tip. Gubernskogo pravleniya, 1889. – 354 s.

Dameshek L. M. Materialy pravitel'stvennyh komissij kak istochnik izučeniya agrarnoj politiki samoderzhaviya v Sibiri / L. M. Dameshek // Molodye uchenye vuzov goroda Irkutsk v 11-j pyatiletke. – Irkutsk, 1983. – S. 69–71.

Dameshek L. M. Zemleustrojstvo buryatskogo krest'yanstva Irkutskoj gubernii (1896–1917 gg.) / L. M. Dameshek // Buryatiya XVII – nachala XX v. Ekonomika i social'no-kul'turnye processy. – Novosibirsk: Nauka, 1989. – S. 84–98.

Dameshek L. M. Sibirskie inorodcy v imperskoj strategii vlasti. XVIII–XX v. / L. M. Dameshek. – Irkutsk: Vost.-Sib. izd. kompaniya, 2007. – 320 s.

Dameshek L. M. Izbrannoe T. 1. Sibirskie «inorodcy» v imperskoj strategii vlasti (XVIII – nachalo XX v.) / L. M. Dameshek. – Irkutsk: Ottisk, 2018. – 456 s.

Dameshek L. M. Buryatskij etnos v imperskoj sisteme vlasti / L. M. Dameshek, B. C. Zhalsanova, L. V. Kuras. – Irkutsk: Ottisk, 2020. – 740 s.

Istoriya Buryat-Mongol'skoj ASSR. T. I. – Ulan-Ude, 1954. – 634 s.

Istoriya Buryatii. T. II. XVII – nachalo XX v. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2011. – 621 s.

Krest'yanstvo Sibiri v epohu kapitalizma. – Novosibirsk: Nauka, 1983. – 400 s.

Kuchkin A. P. Zemel'naya reforma v Kazahstane v 1925–1927 godah / A. P. Kuchkin // Voprosy istorii. – 1954. – № 9. – S. 25–34.

Raimov R. M. Agrarnaya revolyuciya v Bashkirii 1917–1923 gg. / R. M. Raimov // Istoricheskie zapiski. – 1950. – T. 32. – S. 40–65.